

Последніе проводы.

Вдова О. С. Садовская за гробомъ покойнаго мужа.

(Фот. „Моск. Газ.“).

Москва. 1910г. 2го августа.

М. П. САДОВСКИЙ— БЕЛЛЕТРИСТЪ.

Былъ моментъ, и онъ еще у всѣхъ на памяти, лѣтъ десять, двѣнадцать назадъ, когда литературная критика вдругъ заговорила о новомъ талантѣ, въ которомъ почудилось что то, не то чтобы новое, а хорошо знакомое, но давно забытое.

Это былъ покойный М. П. Садовскій, выпустившій въ 1899 г. двѣ книжки своихъ разсказовъ. Собственно говоря, это маленькое волнение въ сферахъ критики, вызванное двумя книжками разсказовъ, было довольно странное и запоздалое, такъ какъ М. П. Садовскій писалъ уже давно и не присяжнымъ критикамъ слѣдовало бы дѣлать большіе глаза при появленіи старыхъ разсказовъ въ новой обложкѣ. Но работа въ сторонѣ отъ большой литературной дороги, сотрудничество въ реакціонномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ временъ Берга, въ станѣ облившихъ эпигоновъ Каткова — закрыло имя М. П. Садовскаго отъ взоровъ широкой литературной публики. И только появленіе разсказовъ въ собраніи видѣ заставило критику замѣтить какой сочный и колоритный языкъ, какая зоркая наблюдательность и

какой интересный и своеобразный кругъ явленій обнаруживаетъ этотъ авторъ, доселѣ совершенно не замѣчаемый критикой.

Среда, которую избралъ М. П. Садовскій для художественнаго изображенія, не представляла для читателей чего либо новаго. Миръ этотъ неоднократно изображался въ русской литературѣ такими крупными писателями, какъ Островскій, Левитовъ, Слѣпцовъ, Горбуновъ и др. Это все то же „темное царство“ замоскворѣцкаго купечества, бѣдныхъ разночинцевъ, мелкихъ лавочниковъ, пьяныхъ ремесленниковъ со Срѣтенки и ея переулковъ, праздныхъ гулякъ Екатерининскаго парка, — словомъ, знакомый миръ захолустной обывательщины. И въ разсказахъ М. П. Садовскаго „Дикій человѣкъ“, „Счастливецъ“, „Вредный членъ“, „Страница изъ жизни одного города“, „Преступленіе“ и др. — вы видите, какъ этотъ захолустный обыватель тянетъ свою обыденку, торгуетъ и плутуетъ, паритъ въ банѣ, читаетъ „Листокъ“, ведетъ ничемные, пустые и праздные разговоры, и иногда только вырвется изъ своей сонной дури и гдѣ-нибудь въ „Тѣстовскомъ“ трактирѣ, подъ музыку органа и за закуской проявляетъ свою „натуру“. Не широка была сфера наблюдений у покойнаго артиста и беллетриста. Это тотъ житейскій мусоръ, тотъ „фламандскій соръ“, который

только гениальнымъ художникамъ удается возвести въ перлъ созданія.

М. П. Садовскій не былъ первокласснымъ писателемъ, но прекрасное знаніе быта и великолѣпный, живой и образный языкъ, усвоенный имъ благодаря своему знаменитому отцу и близости къ Островскому, — дали ему возможность рисовать яркія и колоритныя „картинки жизни“ и давать жизненные и подлинныя типы. У покойнаго артиста было много поклонниковъ, именно, его литературнаго таланта. И къ такому принадлежалъ, между прочимъ, такой знатокъ русскаго народнаго быта, какъ покойный государственный контролеръ и другъ писателей Тертій Ивановичъ Филипповъ. И дѣйствительно, „такіе типы какъ напр.: „Кленъ Ивановичъ“ или „Ягодниковъ“ изъ разсказа „Преступленіе“, до того живы и картинны въ своей простотѣ, что не могутъ не умилить истиннаго любителя русскаго быта, каковыми были покойные Горбуновъ и Филипповъ.

Совсѣмъ особнякомъ стоятъ, вошедшіе во второй томъ разсказовъ, воспоминанія М. П. Садовскаго объ актерѣ прежняго времени — Федорѣ Семеновичѣ Потанчиковѣ. Для любителя русской театральной старины воспоминанія эти — положительный кладъ. Въ нихъ такъ много зафиксировано со словъ Потанчикова цѣн-

наго и интереснаго о старыхъ актерахъ, какъ Живокини, Мочаловъ, французъ-эмигрантъ Лефевр — замѣчательный балетный артистъ, комикъ Василій Ивановичъ Рязанцевъ, В. А. Каратыгинъ, знаменитый пианистъ своего времени Фильдъ, М. С. Щепкинъ, директоръ театровъ Геденовъ и др. — всѣхъ и не перечестъ, — что для истеріи русскаго театра эти воспоминанія должны получить крупное значеніе.

А какъ интересны разсказы о нравахъ въ театральной средѣ того времени, когда по словамъ самаго М. П. Садовскаго „полигамія среди властныхъ людей была въ полномъ цвѣтеніи, когда сами родители радовались и благодарили Бога, если ихъ Машенькѣ и Катенькѣ выпадало счастье сдѣлаться одалиской какого-нибудь знатнаго лица, когда прямо торговали своими дочерьми, когда напр. разыгралось громкое дѣло объ отравленіи въ Москвѣ молодой танцовщицы Аршининой, проданной ея отцомъ, музыкантомъ, за 10.000 руб. князю Б. А. Че — му“.

Много любопытнаго и характернаго въ этихъ воспоминаніяхъ М. П. Садовскаго, и чтеніе ихъ интересно не только театралу, но и всякому любителю русской старины.

Книжникъ.